

Шаг к укреплению доверия между государственной властью и школой

Виктор САДОВНИЧИЙ, ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академик РАН

Последний раз в этом зале и при столь широком участии работники образования соби- рались вместе в декабре 1988 года. Правда, это было в другой стране. И именовались мы тогда “работниками народного образования”.

Тот наш сбор стал предвестником перемен, которые 3 года спустя привели к карди- нальному изменению основ российской системы образования. Нельзя отрицать, что в об- разовании было сделано много хорошего. Но и ошибок было совершено предостаточно. Во многом потому, что в целом реформы в стране базировались на утверждении, что в России “слишком много науки” и “слишком много образования”. Что же в итоге? Россия, как говорит Владимир Владимирович Путин, “впервые за последние 200–300 лет... стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне госу- дарств мира”.

Именно поэтому цель нашей сегодняшней встречи мне видится в том, чтобы поставить перед обществом и государством задачу — придать системе образования приоритетное значение в делах дальнейшего обустройства России. Когда я говорю о приоритетности, то имею в виду фактор времени: эту задачу надо решать уже сегодня.

В этом смысле обсуждение и принятие Национальной доктрины развития образования в России — знаковое событие.

Доктрина — это важный шаг к укреплению взаимного доверия между государственной властью и школой, которого нам явно не доставало. Главное, что шаг этот сделан по обо- юдному согласию и навстречу друг другу. Мне кажется, что правительство убедилось в том, что школа за реформы, реформы глубокие и продуктивные, а не показные и дутые. Школа в свою очередь увидела, что не все во власти одержимы “рыночным фундамента- лизмом” в сфере образования. Значит, к её мнению там прислушиваются. Школа доказала: нет и не может быть монополии на реформы лишь у чиновничества. Я полагаю, что это крайне важно и для России в целом.

Можно приводить разные причины упадка, постигшего Россию на исходе двадцатого столетия. У Московского университета, у высшей школы есть собственное мнение на этот счёт. Наша позиция сводится к тому, что наука и образование были намеренно вынесены за рамки реформ. Осуществить же глубокую перестройку всего государственного, обще- ственного и экономического механизма без твёрдой опоры на науку и образование оказа- лось невозможным. И в этом страна убедилась сполна.

Я не хотел бы быть понятым так, что, начиная реформы, надо было бросить всё и за- няться только развитием науки и школы. Нельзя было делать другого — пытаться, сооб- разуясь лишь с политической конъюнктурой, превратить образование и науку в сферу большого и прибыльного бизнеса. Нельзя было, отказав школе в государственной под- держке, требовать от неё отношения к реформам как к своим собственным. Это просто наивно. Наконец, власть не должна была строить свои отношения со школой на непре- рывной череде несостоятельных обещаний.

Для высшей школы ушедшее десятилетие явилось временем, когда в России на феде- ральном уровне не было построено ни одного нового вуза! Вдумайтесь в этот факт — ни одного... В то же время сотни вузов потеряли совсем не лишние для них учебные площа- ди, места в общежитиях... Хочется надеяться, что всё это уже позади и к нему возврата не будет.

Однако менястораживают некоторые факты последнего времени. Тот, кто внима- тельно следил за выборной кампанией в Государственную Думу, не мог не заметить, что многие кандидаты в депутаты, “лидеры партий и движений”, в своих посулах и намере-

ниях даже близко не подошли к теме приоритетности образования и науки. Как и все предыдущие годы, школа в их программах оказалась позади всех иных мыслимых и немыслимых государственных приоритетов. А жаль.

Именно это обстоятельство подвигло нас выдвинуть идею о необходимости иметь Доктрину как федеральный документ, определяющий роль и место образования в развитии страны.

Постараюсь ещё раз аргументировать эту свою позицию.

Мир вступил в постиндустриальную (или информационную) эпоху своего развития. Основной, если не единственной базой для такого перехода в каждой конкретно взятой стране является уровень образованности её народа. Этому, по-видимому, нет альтернативы. Высокий уровень образованности нужен не только, да и не столько для того, чтобы двигать науку и технологии вперёд. В конце концов, как свидетельствует история, фундаментальные открытия — дело рук, точнее умов, одиночек, а не коллективного разума. Высокий уровень образованности нужен, прежде всего, для того, чтобы уметь пользоваться высокотехнологичными, интеллектуальными продуктами.

Производительность труда — основа основ роста экономики. Рациональные американцы разложили суммарный ВВП в спектр по параметру продолжительности образования, полученного работниками. Оказалось, что те, кто учился 14 и более лет, производят более 50% ВВП. В России результаты схожие: люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производят 56% прибавочного продукта.

Для нашей страны проблема обеспечения роста производительности труда осложняется процессом “утечки умов”. Говорят, что утечка умов — это хорошо, это благо, это торжество демократии и т.д. и т.п. Но тогда почему одни страны создают все условия, чтобы лучшие умы мира перетекали к ним? Другие же, наоборот, допускают такие условия, при которых не то что лучшие умы, но и рядовые специалисты считают за благо для себя покинуть пределы своей родины, и притом навсегда. Россия относится к числу именно таких стран.

И ещё один весьма весомый аргумент. У нас как-то, говоря о бедности, больше кивают в сторону людей старшего возраста, пенсионеров. Но ими не исчерпывается класс бедняков. За годы реформ бедность стала уделом молодых, обернулась для их огромной массы обвальным обнищанием. По официальной статистике сегодня среди 16–30-летних бедные составляют 29%, а богатые — только 2%. В рядах безработных молодых — 35%.

Вот и встаёт вопрос: каким должно быть образование в такой бедной стране, каковой оказалась на исходе века Россия? Есть ли у нашей молодёжи хоть какой-нибудь шанс вырваться из этой ситуации?

Отвечаю на этот вопрос утвердительно. Да, такой шанс есть. Государство в условиях общей бедности народа просто обязано взять на себя все обязательства по обеспечению для молодёжи доступности образования. Доктрина рассматривает это как фундаментальную константу справедливости в обществе и стране.

Ни на какие другие ресурсы, кроме интеллектуальных и природных, Россия не может рассчитывать, обустроявая своё будущее. Именно понимание этой национальной особенности России Петром Великим и всеми продолжателями его дела, понимание, принятое за аксиому развития Отечества, вывело нашу страну за два с небольшим века в число полностью грамотных, научно и промышленно развитых стран мира. А непонимание и отторжение этой аксиомы мгновенно вычеркнуло Россию из их числа.

По своему замыслу обсуждаемая Доктрина как раз и должна восстановить эту очевидную для нашей страны истину.

Цель Доктрины и в том, чтобы определить наиболее актуальные проблемы развития образования и сосредоточить на их решении всеобщее внимание и силы. За годы реформ на первый план выдвигались обстоятельствами жизни разные проблемы. Вспомним проблему приватизации вузов, проблему отсрочки призыва студентов в армию, проблему задолженности по зарплате и долгов за энергию...

И сейчас проблем немало. Мне представляются особенно важными с точки зрения приоритетности следующие: обновление принципов связи высшей и средней школы; упорочение государственного статуса учителей школ и преподавателей вузов; развитие федеральных основ системы образования. Собственно, эти проблемы образуют как бы идейный каркас нашей Доктрины.

Первая — это проблема связи высшей и средней школы. Я не раз говорил о том, что возникший разрыв между высшей и общеобразовательной школой достиг катастрофической глубины. Этот разрыв образовался во многом по причине бесконечного экспериментирования со школьным образованием, уменьшения помощи средней школе со стороны федеральных органов управления образованием. Вузам же всё время пытались навязать мысль о якобы завышенных с их стороны требованиях к школьникам-абитуриентам. Согласно этой логике высшую школу нужно опускать до уровня средней школы. Мы же считали и считаем, что, наоборот, нужно среднюю школу поднимать до уровня высшей. Средней профилированной школе нужен совершенно чёткий ориентир. В моём понимании — это поступление после её окончания в вуз. И мы готовы действовать в этом направлении. Я уже предлагал попробовать перейти к системе учебных округов во главе с университетами. Такая и весьма успешная практика в России была после реформ 1803 года; она созвучна, в сущности, и организации образования во многих странах Европы.

Вторая несущая идея Доктрины — это судьба учителя и преподавателя вуза. Н.К. Рерих писал: “Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете. Стыд тем, кто знает, что детей их учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но знак невежества... Так говорю, так повторяю, что народ, забыв учителя, забыл своё будущее”. Кардинальной мерой должно быть законодательное отнесение учителя школы и преподавателя вуза к государственным служащим со всеми вытекающими отсюда правовыми и материальными условиями. Сегодня же учителя и преподаватели — служащие государственного учреждения. На вид — простая перестановка слов. На самом деле — иное социальное место в обществе, иная зарплата, иная пенсия и т.д.

Третья проблема — федерализация образования. Это — новое прочтение роли и места высшей школы в системе мер по обеспечению национальной безопасности России. Она вызвана тем, что теперь уже никем не скрываемые сепаратистские тенденции в определённых субъектах Российской Федерации приобрели явную форму. Одним из источников этого сепаратизма становится ослабление федеральных основ нашей образовательной системы, их эрозия, которая с неизбежностью влечёт за собой разрушение единого образовательного пространства.

Сообразуясь с афоризмом “Всегда можно внести ещё одно предложение”, сделаю несколько конкретных замечаний по проекту Доктрины. Суммируя отклики, поступившие из 76 субъектов Российской Федерации, 48 федеральных министерств и ведомств, руководителей вузов и школ, выделю следующие общие позиции критического (но не критиканского) плана:

Доктрина проигрывает в общественном восприятии и доверии своим расчётным сроком в 25 лет. Это лишает документ необходимого динамизма. Многие указывают на явный логический разрыв в Доктрине. Во введении говорится, что она определяет цели, пути их достижения и ожидаемые результаты. Цели прописаны, ожидаемые результаты, хотя и гипотетичны, но всё-таки предложены. А вот о практических путях реализации целей сказано не достаточно конкретно.

Специалисты подчёркивают: если мы хотим, чтобы Доктрина была оформлена в виде федерального закона, следует более тщательно поработать над формулировками, с тем чтобы они не допускали двойного, а то и тройного толкования. Например, предлагается отчётливо прописать, чтобы было понятно каждому, какой уровень школьного образования будет считаться в России обязательным.

Доктрина несимметрична в части обязанностей государства и школы. Не только государство должно иметь свои обязанности и задачи перед школой, но и школа должна нести соответствующие обязанности перед государством. Предлагается, в частности, юридически точно записать, что ответственность за детей школьного возраста, которые не посещают школу по любым причинам, лежит не на каком-то абстрактном “государстве”, а на совершенно конкретных органах федерального и регионального управления в стране и, конечно, на органах управления системой образования.

Мне представляется, что в этом есть большой смысл. В России сегодня более 2 миллионов детей, не имеющих семьи. В стране 656 тыс. детей-сирот (после Великой Отечественной войны во всём СССР их было 678 тыс.). У нас 700 тыс. детей-инвалидов. Российские дети из ещё совсем недавно “единственного привилегированного класса” в стране всё больше и больше превращаются в обузу для государства, в “лишних людей”. Я не вижу иной силы, кроме высшей и общеобразовательной школы, которая могла бы справиться с этой тяжелейшей проблемой. Если, конечно, и власть не будет оставаться в стороне.

Все сделанные к проекту Доктрины замечания и предложения не изменяют её общего замысла, но существенно улучшают текст. Поэтому вношу предложение — проект Доктрины принять и после соответствующей редакционной доработки направить её в установленном порядке в Федеральное Собрание.

Московский университет, Российский союз ректоров твёрдо высказались за пересмотр курса реформ в области образования. Мы не меняли этой позиции, одобренной V съездом Союза ректоров. Для нас принципиально важно, что сейчас правительство продемонстрировало понимание того очевидного факта, что прежняя линия по отношению к системе образования, к высшей школе имела пагубные последствия и стала причиной масштабного и острого социального недовольства многих и многих десятков миллионов людей. Я уверен в том, что политика “разбрасывания камней” себя тоже исчерпала. Настало время тех, кто начнёт “камни собирать”. Высшая школа, Московский университет со всем своим немалым человеческим и нравственным потенциалом будут несомненно на их стороне.